
ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.7+ 316.347

DOI: 10.14258/SSI(2024)2-04

Религиозность женщин приграничных регионов России: общие характеристики и региональная специфика

Светлана Геннадьевна Максимова¹,

Ольга Валерьевна Суртаева²,

Дарья Алексеевна Омельченко³,

Кристина Андреевна Великжанина⁴

---

¹ Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия,
svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

² Алтайский государственный университет, Барнаул, Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия,
bubuka_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>

³ Алтайский государственный университет, Барнаул, Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия;
daria.omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

⁴ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
velikzhanina_kri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0856-0857>

Аннотация. Религия — по-прежнему важный социокультурный феномен, а религиозность продолжает оставаться важным контекстом для понимания социальных процессов. В зарубежной литературе существует множество исследований, в которых особое внимание уделяется гендерным особенностям религиозности, однако в России эта тема менее изучена. Специфические социально-экономические и культурные условия, складывающиеся в приграничных регионах России, формируют потребность углубленного анализа религиозности населения. Все это определило цель данной статьи: оценка общих тенденций и региональной специфики религиозности женщин, проживающих в приграничных реги-

онах России. На основе опроса 1000 женщин, проживающих в Республике Алтай, Республике Тыва, Алтайском крае, проанализированы характеристики религиозности женщин в приграничных регионах. Исследование показало, что в целом женщины приграничных регионов России не отличаются высокой религиозностью и не склонны демонстрировать религиозное поведение, а специфические региональные особенности состоят в том, что наиболее религиозные женщины проживают в Республике Тыва, близки к ним, но чуть менее религиозны женщины из Республики Алтай.

Ключевые слова: религия, религиозность, религиозное поведение, религиозная идентификация, приграничные регионы

Финансирование: публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024–2026).

Для цитирования: Максимова С.Г., Суртаева О.В., Омельченко Д.А., Великжанина К.А. Религиозность женщин приграничных регионов России: общие характеристики и региональная специфика // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 2. С. 69–90. doi: 10.14258/ssi(2024)2-04.

Women's Religiosity in Border Regions of Russia: General Characteristics and Regional Peculiarities

Svetlana G. Maximova¹,
Olga V. Surtaeva²,
Daria A. Omelchenko³,
Kristina A. Velikzhanina⁴

---

¹Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russia, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

²Altai State University, Barnaul, Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russia, bubuka_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>

³Altai State University, Barnaul, Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Russia, Moscow, daria.omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

⁴Altai State University, Barnaul, Russia, velikzhanina_kri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0856-0857>

Abstract. Religion is still an important sociocultural phenomenon, and religiosity continues to be an important context for understanding social processes. There are numerous studies in foreign literature that focus on gender specifics of religiosity, but in Russia this topic is less explored. Specific socio-economic and cultural conditions in the Russian border regions form the need for in-depth analysis of the population's religiosity. All this determined the purpose of this article — to assess the general trends and regional specifics of religiosity of women living in the border regions of Russia. Based on a survey of 1000 women living in the Republic of Altai, the Republic of Tyva, Altai Krai, the characteristics of women's religiosity in the border regions were analyzed. The study showed that, in general, women in Russia's border regions are not highly religious and are not inclined to demonstrate religious behavior. The specific regional characteris-

tics are that the most religious women live in the Republic of Tyva, and close to them, but slightly less religious, women from the Republic of Altai.

Keywords: religion, religiosity, religious behavior, religious identification, border regions

Financial Support: the article was prepared as part of Russian Science Foundation project № 24-48-03002, “Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderland: institutional and network mechanisms for constructing religious and ethnic identities and security in a post-secular reality” (2024–2026).

For citation: Maximova, S.G., Surtaeva, O.V., Omelchenko, D.A., Velikzhanina, K.A. (2024). Women’s Religiosity in Border Regions of Russia: General Characteristics and Regional Peculiarities. *Society and Security Insights*, 7(2), 69–90. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)2-04.

Введение: постановка проблемы

В качестве важного культурного феномена религия считается мощной силой, влияющей на психосоциальное развитие людей (Kelland, 2017). По некоторым оценкам, 88–93% мирового населения верят в бога (Zuckerman, 2007). И хотя в последние десятилетия наблюдается рост числа людей, перестающих быть религиозными, что также известно как религиозное отчуждение (Heft, Stets, 2021; Thiessen, Wilkins-Laflamme, 2017) или религиозная деидентификация (Van Tongeren, DeWall, 2021), религия долгое время считалась и продолжает быть важным контекстом для понимания социальных процессов (Burnett, 1979). О возросшем интересе исследователей к изучению религии свидетельствует рост числа научных публикаций в смежных областях за последние несколько десятилетий (Abdel-Khalek, 2012; Ngamaba, Soni, 2018; Perveen et al., 2017; Sultan et al., 2020; Vang et al., 2019; Villani et al., 2019; Zahoor et al., 2021; Unterrainer et al., 2014; Wixwat, Saucier, 2021). Однако степень, в которой приверженность определенной религии связана с религиозностью, личностными чертами, жизненным благополучием, социально-демографическими характеристиками, не ясна из-за разнящихся результатов, получаемых разными исследователями.

Религиозность обычно подразделяют на два типа: внешнюю и внутреннюю. Люди с внешней религиозной ориентацией используют религию для получения выгоды: утешение, безопасность, самооправдание, отвлечение от проблем и общение — вот некоторые из целей, которые достигаются посредством соблюдения религиозных практик. Напротив, религия интернализируется людьми с внутренней религиозной ориентацией, и такие люди «живут религией», а не просто используют ее для получения социальных вознаграждений (Allport, Ross, 1967).

С другой стороны, Старк и Глок религиозность разделили на пять основных измерений: интеллектуальное (религиозный человек должен хорошо знать священные тексты), идеологическое (религиозный человек должен верить в существование Бога), личная практика (религиозный человек должен совершать религиозные ритуалы в своем личном пространстве), публичная практика (религиозный человек должен публично участвовать в деятельности религиозной общины и религиозных ритуалах) и эмпирическое (религиозный человек должен находиться в непосредственном контакте с сакральным, божественным, что эмоционально воздейству-

ет на него) (Stark & Glock, 1968). Исследователи не только утверждают, что между религиозностью и удовлетворенностью жизнью существует прямая взаимосвязь, но также подчеркивают важность исследования религиозности как многомерного феномена для лучшего понимания ее влияния на социальные и психологические характеристики индивидуума (Yeniaras & Akarsu, 2017).

Религиозность помогает людям осмыслить свои личные трудности и продвигает социальные нормы, облегчающие сотрудничество, сосуществование с другими людьми и взаимную поддержку (Koenig, 2008). Результаты эмпирических исследований (Abdel-Khalek, Lester, 2013; Munawar, Tariq, 2018) свидетельствуют о положительной связи между религиозностью и показателями субъективного благополучия, и эта связь наблюдается в различных выборках, культурах, дизайнах исследований и измеряемых показателях религиозности. Теория самокатегоризации (Turner et al., 1987) утверждает, что люди идентифицируют себя с социальными группами и усваивают положительные характеристики членов группы. Следовательно, публичная практика религиозных ритуалов может дать религиозному человеку возможность сформировать социальную идентификацию с членами религиозной группы, что, в свою очередь, повышает самооценку и позитивно влияет на субъективное благополучие.

Понимание религиозности — сложный вопрос, который следует обсуждать в сочетании с другими социальными факторами, такими как гендер. Гендер — это культурная переменная, воспринимаемая через опыт, полученный в процессе социализации, и включающая в себя в качестве одного из ключевых предикторов традиционализм (Acevedo, Shah, 2015; Heidemarie, 2019). Например, часть исследователей утверждают, что религия связана с традиционными гендерными установками и поведением (Reitz et al., 2015).

Во многих исследованиях отдельное внимание уделяется гендерным особенностям религиозности (de Vaus, McAllister, 1987; Li, Liu, 2021), в частности, религиозности и религиозному поведению женщин. Так, например, Д. Хабиб, С. Дональд и Г. Хатчинсон (2018) обнаружили положительную взаимосвязь между религиозностью и удовлетворенностью жизнью среди христианских, мусульманских и индуистских студентов-медиков, причем женщины сообщали о более высокой религиозности и благополучии, по сравнению с мужчинами. А. Роберто совместно с коллегами также исследовали влияние религиозных практик на благополучие женщин и обнаружили, что религиозность оказывает положительное влияние на удовлетворенность жизнью у женщин (Roberto et al. 2020). Ряд ученых исследовали связь между религиозной ориентацией, духовностью и удовлетворенностью жизнью в Пакистане. Результаты показали, что духовность в значительной степени связана с удовлетворенностью жизнью, и женщины проявляли более выраженную религиозную ориентацию по сравнению с мужчинами (Alvi et al., 2021).

В свою очередь, специфика приграничных регионов требует особого подхода к их изучению и развитию. Исследователи относят эти регионы к регионам с более низким уровнем социально-экономического развития, что создает угрозы повышенной социальной напряженности, в том числе в межконфессиональной

сфере. Чуть менее половины регионов с депрессивным типом развития и большинство глубоко депрессивных регионов России расположены на приграничных территориях. Гуманитарные проблемы, в первую очередь связанные с увеличением потоков мигрантов, нестабильностью социально-экономической ситуации и усилением социальной дифференциации, оказывают серьезное влияние на социумы в приграничных регионах. Последствия этого воздействия сказываются на социальном благополучии населения приграничных регионов, создавая риски социальной напряженности (Омельченко, Максимова, Ноянзина, 2023). Выше-сказанное свидетельствует о необходимости углубленного анализа религиозности и религиозного поведения населения приграничных регионов, поскольку там духовные и религиозные практики более разнообразны вследствие более интенсивных миграционных процессов, менее стабильной социально-экономической ситуации и усиления социальной дифференциации (Saryglar et al., 2023).

Цель анализа, представленного в статье, — выявить общие тенденции и региональную специфику религиозности женщин, проживающих на территории приграничных регионов России.

Данные и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составили данные социологического опроса населения, направленного на изучение религиозной идентичности, религиозных практик и духовной безопасности в условиях приграничных регионов России. Исследование проводилось в 2022–2024 гг. в четырех регионах Сибирского федерального округа (Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край и Новосибирская область). Отбор регионов определялся спецификой социокультурных особенностей, отражающих религиозную композицию пространства региона, а также особенностями этнодемографического состава населения, проживающего на этих территориях. Для каждого региона была рассчитана квотная выборка, котируемые признаки — пол, возраст и место проживания респондентов (городское или сельское поселение). Первичная эмпирическая информация собиралась посредством онлайн-опроса. Репрезентативность данных обеспечивалась контролем квот, а также диверсификацией способов рекрутинга респондентов (персональные рассылки по электронной почте и социальным сетям, размещение информации на публичных виртуальных площадках и в официальных источниках).

В целом выборка исследования включала 1868 человек, из которых для дальнейшего анализа были отобраны только респонденты женского пола (всего 1000 человек, или 53,7% от всей выборки).

Аналитические процедуры в рамках предложенной статьи были выполнены в 2024 г.

В своем исследовании мы считаем важным опираться на комплексный подход, в котором есть место и для субъективных, и для объективных оценок, отражающих внутренние религиозные переживания и их внешние проявления. В частности, мы разделяем позиции С. Хубера (Huber, et al., 2012, 2020) о существовании множественных измерений религиозности и возможности их универсальной опе-

рационализации и генерализации на различные группы населения. В своих работах автор предлагает категорию центральности религиозности, учитывающей общие оценки по ключевым компонентам религиозности, описывающим в совокупности разнообразие религиозной жизни (а именно пять измерений религиозности: публичная религиозная практика, личная религиозная практика, религиозный опыт, идеологическое и интеллектуальное измерение религиозности) (Huber, et al., 2020).

Таким образом, указанный подход (Huber, et al., 2012, 2020) позволяет, во-первых, подойти к изучению религиозной идентичности с комплексных теоретических позиций, отражающих динамический характер религиозной идентичности и религиозности, их континуальный характер, и, во-вторых, оценить степень важности религиозности для индивида и описать репертуар проявлений религиозной идентичности, от внутренних, духовных, до внешних, инструментальных. Его достоинством является также достаточно органичная попытка увязать воедино индивидуальные и социальные аспекты религиозной идентичности, посредством которых происходит манифестация идентичности в приватном и публичном пространствах, выстраиваются религиозные коммуникации, происходит верификация идентичности (подтверждение) среди других верующих и неверующих.

В конечном итоге социологический опрос направлен на исследование религиозности, религиозного опыта и мировоззрения населения приграничных регионов России, которые оценивались через следующие показатели:

1. Самооценка религиозности по шкале от 0 до 10.
2. Шкала центральности религиозности (The Centrality of Religiosity Scale, CRS), на основе которой оценивается центральность, важность или выраженность религиозных смыслов для личности (Huber, Huber, 2012). Шкала применялась в версии CRSI-20, поскольку в регионах, охваченных исследованием, проживают представители авраамических религий с монотеистической концепцией бога, представители восточных религиозных традиций (например, буддизма), а также архаических верований (например, шаманизма).
3. Степень религиозности родительской семьи.
4. Наличие дома икон, предметов религиозной живописи, амулетов или других религиозных предметов.
5. Наличие дома религиозной литературы.
6. Частота совершения религиозных действий (молитва, медитация, участие в религиозных службах, совершение религиозного паломничества, празднование религиозных праздников).
7. Принадлежность к вероисповеданию (конфессии).
8. Особенности религиозного опыта (длительность, наличие опыта и смены вероисповедания и его причины, идентификация с религиозной общиной, интенсивность и формы взаимодействия с ней, соблюдение религиозных предписаний, частота посещения храма, частота причастия, соблюдение религиозных постов, чтение религиозных текстов).

Методами статистического анализа в работе выступали частотный анализ и анализ описательных статистик, анализ региональных различий проводился

посредством применения статистического критерия χ^2 Пирсона и однофакторного дисперсионного анализа с использованием апостериорного теста Дункана.

Результаты исследования

Прежде чем обратиться к оценке уровня религиозности женщин четырех приграничных регионов, обратим внимание, что не считают себя верующими только треть жителей (в совокупности 31%), все прочие относят себя к последователям той или иной религии, верования либо являются носителями размытой религиозной идентичности. В целом население приграничья тяготеет к православию (36%), однако в региональном преломлении выражены существенные дифференциации религиозной мозаики¹. Так, в Алтайском крае и Новосибирской области схожая религиозная картина с преобладанием православного населения: в Алтайском крае 51%, а в области — 37% населения считают себя православными верующими, однако в крае, в отличие от соседнего региона, доля православных составила более половины респондентов, тогда как в Новосибирской области преобладают неверующие (49%). В этнических республиках приграничья доли неверующих меньше, однако в Республике Тыва их доля минимальная — всего 9%, в этом смысле Тыва более отлична от других охваченных исследованием территорий своей традиционностью, погруженностью в духовное пространство жизни. И если в Республике Алтай наряду с православными, которые также составляют большинство (36%), широко представлена так называемая «алтайская вера» (бурханизм) (16%), то в Тыве православных всего 5%, а доминантами в религиозной сфере являются ориентиры шаманизма (52%) либо его сочетания с буддизмом (16%). Следует отметить, что шаманизм присущ глубинной культуре тувинцев, является основной их быта и миропонимания, вместе с тем буддизм, тесно связанный с формированием государственности Тывы, укоренен в тувинском обществе не менее глубоко, а шаманистские боги присутствуют и в буддийском пантеоне. До сих пор основное количество верующих в Тыве являются буддистами и шаманистами одновременно, прибегают к духовной помощи и ламы, и шамана, что сохраняет уже сформированный и сохраняющийся феномен синкретизма шаманизма и буддизма в Тыве.

Для анализа религиозности большое значение имеет то, насколько сам человек считает себя религиозным. В результате исследования было установлено, что в среднем женщины, проживающие в приграничных регионах России, оценивают собственную религиозность на 4,68 балла из 10 возможных. В результате однофакторного дисперсионного анализа было установлено, что в самооценках религиозности имеются значимые различия ($p < 0,001$) в зависимости от региона проживания респондентки. Характер этих различий, установленный при помощи апостериорного теста Дункана, был таков: наименее религиозными себя считают женщины, проживающие в Новосибирской области (среднее значение 3,80) и Алтайском крае (среднее значение 4,25). Значимо отличаются от них женщины, проживающие в Ре-

.....
¹ Здесь и далее для оценки значимости региональных различий представленные выводы о достоверности вариаций сделаны на основе проведения процедуры тестирования по критерию хи-квадрат, все выявленные различия достоверны, $p \leq 0,005$.

спублике Алтай (среднее значение 5,19), самооценку религиозности которых можно назвать «средней». В свою очередь, наиболее религиозные респондентки, по их собственной оценке, проживают в Республике Тыва (среднее значение 5,73).

Использование только самооценки выраженности религиозности может привести к некорректным результатам, поэтому в дополнение к субъективной оценке использовался и «объективный» параметр, описанный выше («Шкала центральности религиозности»). В среднем по всей выборке уровень центральности религиозности составил 2,75 балла из 5 возможных. В результате однофакторного дисперсионного анализа было установлено, что выраженность центральности религиозности значимо отличается ($p < 0,001$) в зависимости от региона проведения исследования. Результаты апостериорного теста Дункана показали, что наименее важны религиозные смыслы для жительниц Новосибирской области (среднее значение 2,49), несколько большей важностью религия обладает для респонденток из Алтайского края (среднее значение 2,68). Для респонденток из Республики Алтай (среднее значение 2,84) религия важна еще сильнее, чем для двух предыдущих подгрупп, а жительницы Республики Тыва (среднее значение 3,01) продемонстрировали самый высокий уровень центральности религиозности (рис. 1).

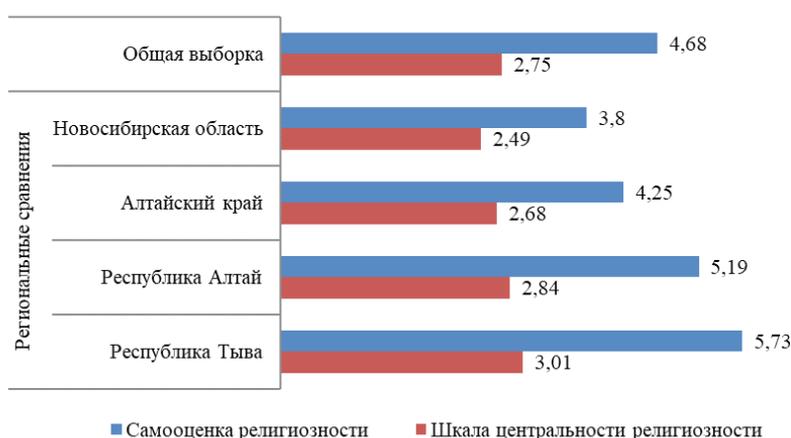

Рисунок 1 — Самооценка и оценка религиозности по CRS женщин, средние баллы.

Figure 1 — Self-assessment and CRS-20 data about women's religiosity, mean values.

Семья, в которой воспитывалась женщина, выступает важным условием трансляции культурных универсалий, в том числе религиозных представлений. В результате исследования установлено, что только 3,9% женщин воспитывались в очень религиозных семьях, 30,2% охарактеризовали свою семью как умеренно религиозную, 32,6% — как слабо религиозную, а 33,3% сообщили о том, что их родительская семья религиозной не была. Региональные различия (χ^2 , $p < 0,001$) в религиозности родительских семей респонденток заключались в следующем: в Республике Тыва, в сравнении с остальными регионами, охваченными исследо-

ванием, зафиксирована наибольшая доля очень религиозных (8,2%) и умеренно религиозных (46,9%) семей, в Алтайском крае значимо чаще встречаются слабо религиозные семьи (35,6%), а в Новосибирской области — нерелигиозные (50,2%).

Обладание религиозными предметами и литературой — также один из важных признаков, позволяющих судить об отношении человека к религии. Установлено, что 68,5% женщин из приграничных регионов России имеют у себя дома иконы, предметы религиозной живописи, амулеты или другие религиозные предметы, в то время как 31,5% женщин отрицает у себя наличие таких предметов. Кроме того, 6,3% женщин обладает большой библиотекой религиозной литературы (значимо чаще об этом сообщали жительницы Алтайского края и Новосибирской области), 49,7% имеет несколько религиозных книг (женщины из Новосибирской области, в сравнении с женщинами из других регионов, значимо чаще выбирали этот вариант ответа), а 44,0% сообщили об отсутствии у себя таких книг, причем это более характерно для женщин из Республики Тыва.

Проанализируем частоту совершения женщинами приграничных регионов России некоторых религиозных действий. В результате исследования было выявлено, что 13,9% респонденток молятся несколько раз в день, 12,6% делают это один раз в день, 13,6% — раз в неделю, 16,2% от 1 до 3 раз в месяц, 15,2% молятся несколько раз в год, 15,2% реже раза в год, а 19,9% не молятся вообще никогда. Оценивая использование женщинами медитации, можно увидеть, что несколько раз в день ее практикуют 5,4%, один раз в день — 9,1%, чаще раза в неделю — 14,0%, от 1 до 3 раз в месяц — 16,3%, несколько раз в год — 14,5%, реже раза в год — 11,4%, а 27,9% респонденток не практикуют медитацию никогда. При этом в отношении частоты совершения молитвы были обнаружены значимые (χ^2 , $p < 0,001$) региональные различия. Так, женщины из Республики Тыва значимо чаще сообщали, что молятся несколько раз в день (16,4%), один раз в день (14,9%) и чаще раза в неделю (25,1%). Женщины из Республики Алтай значимо чаще молятся с частотой от 1 до 3 раз в месяц (22,6%). Женщины из Алтайского края чаще сообщали, что молятся реже раза в год (10,7%), а женщины из Новосибирской области — либо несколько раз в год (20,5%), либо вовсе никогда (33,6%). В отношении медитации значимых региональных различий обнаружено не было.

Относительно участия в религиозных службах: в целом только 1,6% женщин из приграничных регионов России принимают в них участие чаще раза в неделю, один раз в неделю участвует в религиозных службах 3,5% женщин, один или несколько раз в месяц — 9,9%, несколько раз в год — 11,9%, реже раза в год — 46,2%, а четверть от всех опрошенных (26,8%) никогда не принимает участия в религиозных службах. Региональные различия (χ^2 , $p < 0,001$) в частоте принятия участия в религиозных службах оказались следующими: респондентки из Алтайского края значимо чаще сообщали, что принимают участие в религиозных службах чаще раза в неделю (2,3%). Женщины из Республики Тыва чаще женщин из других регионов отмечали, что принимают участие в религиозных службах раз в неделю (5,2%), один или несколько раз в месяц (18,0%) и несколько раз в год (20,6%). Женщины из Республики Алтай чаще женщин из других регионов принимают участие

в религиозных службах реже раза в год (50,0%), а женщины из Новосибирской области чаще вообще не практикуют участие в религиозных службах (35,4%).

Каждая пятая женщина (21,0%), проживающая в приграничном регионе, сообщила, что ей приходилось совершать религиозное паломничество, каждая шестая (16,3%) пока не совершала, но очень хотела бы, а 62,7% женщин не приходилось совершать религиозного паломничества или путешествия к священным местам в религиозных целях. В Республике Тыва проживает значимо (χ^2 , $p < 0,001$) больше женщин, которые совершали (38,3%) или хотели бы совершить религиозное паломничество (23,8%), а в Новосибирской области (74,0%) значимо больше женщин, которые никогда этого не делали.

Каждая десятая (11,0%) женщина, проживающая в приграничном регионе, знает религиозные праздники и всегда празднует их, 17,3% женщин не всегда празднуют религиозные праздники, 56,1% празднуют только самые значимые религиозные праздники, а 15,7% респонденток никогда этого не делают. Региональные сравнения (χ^2 , $p < 0,001$) показали, что женщины из Республики Тыва чаще отмечают все (17,0%) или большинство (21,1%) религиозных праздников, женщины из Республики Алтай (60,7%) отмечают только самые значимые праздники, а женщины из Новосибирской области (25,8%) чаще других никогда не празднуют религиозных праздников.

В большинстве случаев религиозность человека связана с принадлежностью к какому-либо вероисповеданию (конфессии). Каждая четвертая (25,0%) женщина, проживающая в приграничном регионе России, не считает себя верующей и не относит себя к какому-либо вероисповеданию, а 5,8% считают себя верующими, но затрудняются в отнесении себя к какой-либо конфессии (рис. 2). Среди женщин, которые смогли определиться с конфессиональной принадлежностью, ответы распределились следующим образом: 39,7% относят себя к православным, 12,5% — к буддистам, 5,3% — к представителям «алтайской веры», бурханизму, 4,1% исповедуют сочетание буддизма и шаманизма, 1,9% исповедуют ислам, 1,7% являются представителями христианских конфессий, за исключением православия, 1,7% женщин исповедует шаманизм, 0,4% отнесли себя к представителям новых религиозных верований (пятидесятничество, адвентисты Седьмого дня, мормоны, саентологи и т.д.), а 0,2% женщин исповедуют иудаизм. При этом православные женщины наиболее часто проживают в Алтайском крае (55,2%), а наиболее редко — в Республике Тыва (6,8%). Женщины, исповедующие буддизм, чаще проживают в Республике Тыва (57,6%), а реже — в Алтайском крае (0,6%). Представительницы «алтайской веры» и бурханизма проживают только в Республике Алтай (20,0%), а сочетание буддизма и шаманизма чаще практикуют жительницы Республики Тыва (13,1%). Женщины из Новосибирской области чаще сообщают, что не считают себя верующими (39,6%), либо не определились с конфессиональной принадлежностью (7,6%).

Итак, три четверти женщин из приграничных регионов России относят себя к какому-либо вероисповеданию, в связи с чем интересно проанализировать особенности их религиозного опыта. Так, 56,6% из них являются верующими с рождения или младшего возраста, 30,0% являются верующими более 5 лет, 5,6% являются ве-

рующими от 3 до 5 лет, а 7,8% только пришли к вере и являются верующими менее 3 лет. Региональные сравнения (χ^2 , $p < 0,001$) показали, что женщин, верующих с рождения, больше в Республике Алтай (63,0%), верующие более 5 лет чаще встречаются в Новосибирской области (43,1%), а в Республике Тыва чаще встречаются неопыты, являющиеся верующими от 3 до 5 лет (7,7%) или только пришедшие к вере (12,3%).

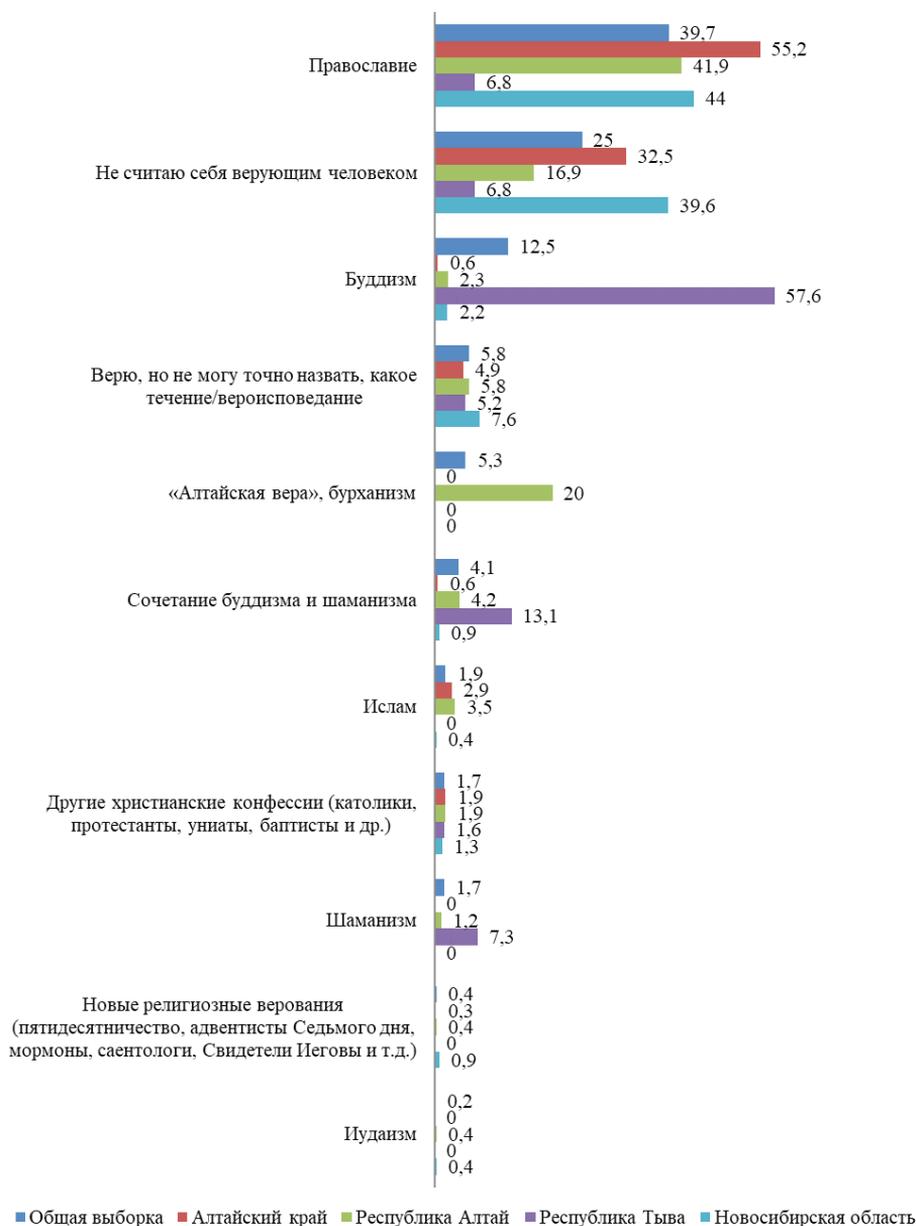

Рисунок 2 — Конфессиональная принадлежность женщин, %.

Figure 2 — Confessional belonging of women, %.

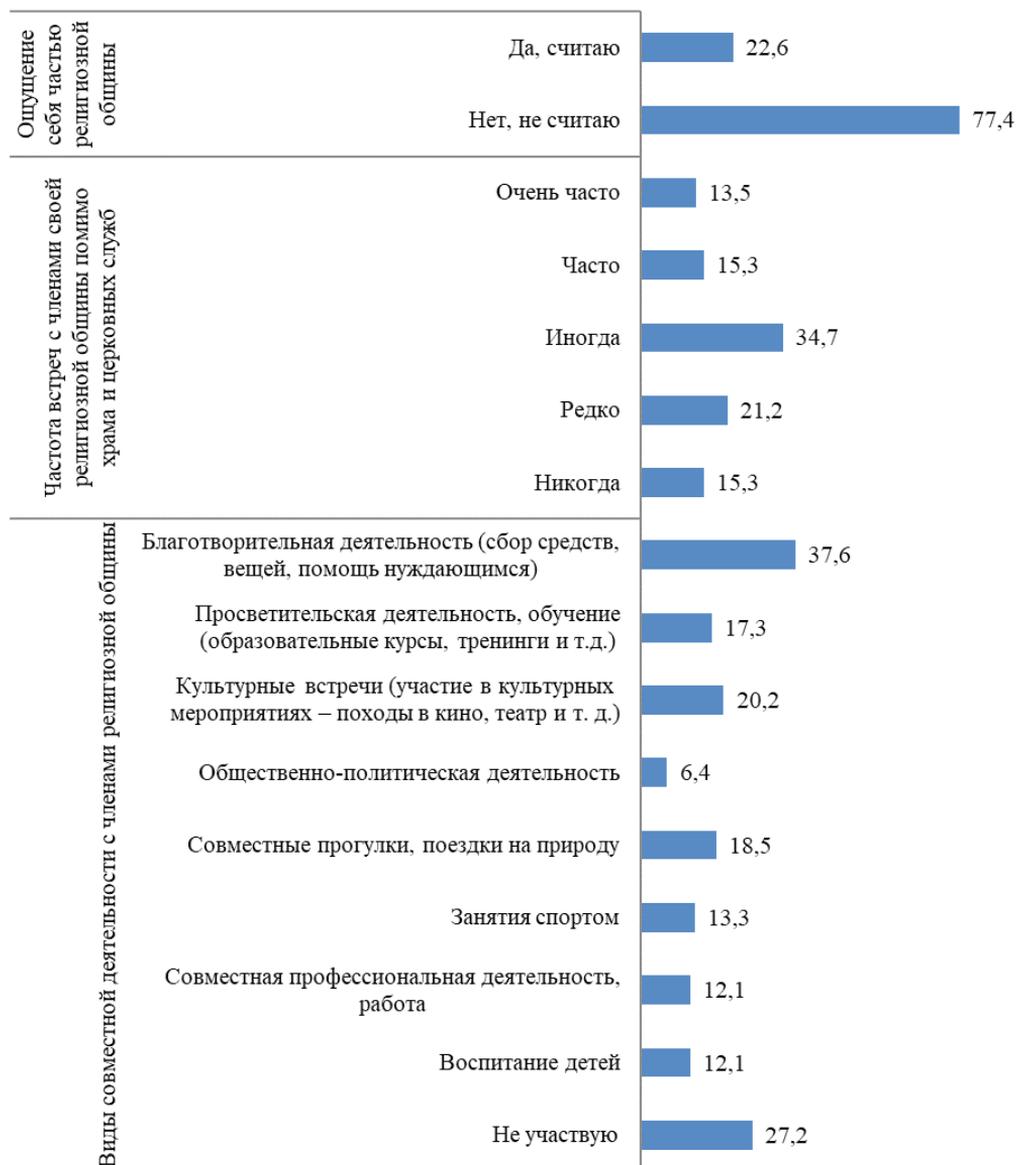

Рисунок 3 — Взаимодействие с членами религиозной общины, процент от ответивших себя к какому-либо вероисповеданию.

Figure 3 — Engagement with members of religious community, % of respondents having identification with a confession.

Большинство респонденток (85,2% от ответивших себя к какому-либо вероисповеданию) всегда исповедовали эту религию, а 8,4% имели опыт принадлежности к другой конфессии. Среди причин, по которым женщины меняли свое

вероисповедание, были названы следующие: знакомство с другой верой через культуру (28,1% от менявших вероисповедание), разочарование в своей прошлой вере (15,1%), знакомство с представителями другой веры, которые убедили поменять убеждения (14,4%), путешествие в страну с другой культурой (12,9%) и вступление в брак или близкие отношения с представителем другой религии (7,9%). Региональной специфики, связанной со сменой вероисповедания, выявлено не было ввиду малой наполняемости сравниваемых подгрупп.

Из тех женщин, которые относят себя к какому-либо вероисповеданию, только 22,6% считают себя частью религиозной общины (церковного прихода, религиозного объединения, организации). При этом 15,3% из них никогда не встречаются с членами своей религиозной общины помимо храма и церковных служб, 21,2% делают это редко, 34,7% — иногда, 15,3% — часто, а 13,5% — очень часто. Чуть более четверти (27,2%) женщин, считающих себя частью религиозной общины, не участвуют ни в какой совместной нерелигиозной деятельности с другими членами своей религиозной общины (рис. 3). Однако почти три четверти женщин вовлечены в следующие виды деятельности: благотворительность (37,6%), участие в культурных мероприятиях (20,2%), совместные прогулки, поездки на природу (18,5%), просвещение или обучение (17,3%), занятия спортом (13,3%), совместная профессиональная деятельность, работа (12,1%), воспитание детей (12,1%) и общественно-политическая деятельность (6,4%).

Только 6,2% женщин, исповедующих какую-либо религию, стараются строго соблюдать все религиозные предписания к внешнему виду (ношение определенной одежды, прически, покрывание головы, запреты на использование украшений, косметики и т.д.), самая значительная доля таких женщин проживает в Республике Алтай (12,4%). Кроме этого, 25,6% женщин соблюдают предписания избирательно, и чаще всего такие женщины проживают в Алтайском крае (28,6%). Почти две трети (68,2%) исповедующих какую-либо религию женщин не соблюдают никаких предписаний к внешнему виду, поскольку не считают это важным, и чаще всего они проживают в Новосибирской области (77,0%).

Почти четверть (24,6%) от всех женщин, исповедующих какую-либо религию, практически никогда не посещает храм (значимо чаще такое поведение встречается у жительниц Республики Алтай), 17,8% делают это реже раза в год (такое поведение наиболее характерно для жительниц Алтайского края), 20,1% посещают храм один-два раза в год (чаще так поступают жительницы Республики Тыва), 25,7% — несколько раз в год, но реже раза в месяц (такое поведение также чаще характерно для женщин из Республики Тыва), и только каждая десятая женщина (11,9%) посещает храм раз в месяц и чаще, и больше всего таких женщин проживает в Республике Тыва.

Из тех женщин, которые относят себя к какому-либо вероисповеданию, каждая третья (33,0%) сообщила, что ее религия не предполагает таинства причастия, и больше всего таких респонденток проживает в Республике Тыва. Практически никогда не причащаются, несмотря на то что в их религии такое таинство есть, 40,7% женщин, проживающих в приграничных регионах России, чаще всего

это жительницы Новосибирской области. Каждая десятая женщина (10,6%) причащается реже одного раза в год (больше всего таких женщин проживает в Алтайском крае), 6,3% практикуют причастие один-два раза в год (такие женщины чаще проживают в Новосибирской области), 6,8% — несколько раз в год, и чаще всего они проживают в Алтайском крае, а 2,7% — раз в месяц и чаще, причем самая большая доля таких женщин проживает в Республике Алтай (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Соблюдение религиозных требований к поведению и внешнему виду, процент от отнесших себя к какому-либо вероисповеданию

Compliance with requirements for behavior and appearance, % of respondents having identification with a confession

Религиозные требования к поведению и внешнему виду	Степень строгости соблюдения религиозных требований					
		Общая выборка	Алтайский край	Республика Алтай	Республика Тыва	Новосибирская область
Соблюдение религиозных предписаний к внешнему виду	Стараюсь строго соблюдать все предписания	6,2	5,8	12,4	2,8	1,4
	Соблюдаю некоторые предписания, ношу некоторые элементы одежды	25,6	28,6	25,8	24,9	21,6
	Для меня это не важно, я не соблюдаю таких предписаний	68,2	65,5	61,8	72,4	77,0
Частота посещения храма	Практически никогда не посещаю	24,6	16,3	40,2	13,8	26,4
	Реже одного раза в год	17,8	23,6	20,1	13,3	11,4
	Один-два раза в год	20,1	18,8	12,8	29,3	21,4
	Несколько раз в год, но реже чем раз в месяц	25,7	29,3	16,4	30,4	28,6
	Раз в месяц и чаще	11,9	12,0	10,5	13,3	12,1
Частота совершения причастия	В моей религии нет такого таинства	33,0	14,1	38,4	59,9	18,0
	Практически никогда не причащаюсь	40,7	56,3	34,3	16,8	58,6
	Реже одного раза в год	10,6	16,6	9,3	9,0	5,5
	Один-два раза в год	6,3	3,5	6,0	7,2	10,2
	Несколько раз в год, но реже чем раз в месяц	6,8	8,0	7,9	4,8	5,5
	Раз в месяц и чаще	2,7	1,5	4,2	2,4	2,3

Религиозные требования к поведению и внешнему виду	Степень строгости соблюдения религиозных требований	Общая выборка	Алтайский край	Республика Алтай	Республика Тыва	Новосибирская область
Соблюдение постов	Моя вера не предполагает соблюдения постов	23,9	8,5	34,4	34,4	17,2
	Практически не соблюдаю постов	56,4	78,5	43,5	38,7	65,6
	Все главные посты	9,9	6,5	12,9	9,8	10,2
	Соблюдаю все посты, которые предписаны моей религией	5,7	5,5	6,2	6,7	3,9
	Моя религия не предписывает постов, но мне важно соблюдать религиозные требования к питанию	4,1	1,0	2,9	10,4	3,1

Из тех женщин, которые относят себя к какому-либо вероисповеданию, почти каждая четвертая (23,9%) сообщила, что ее религия не предполагает соблюдения постов, и больше всего таких респонденток проживает в Республике Тыва и Республике Алтай. Практически никогда не соблюдают постов, несмотря на то что их религия это предполагает, 56,4% женщин, проживающих в приграничных регионах России, чаще всего это жительницы Алтайского края. Каждая десятая женщина (9,9%) соблюдает все главные посты (больше всего таких женщин проживает в Республике Алтай), 5,7% соблюдают все посты, предписанные исповедуемой ими религией (такие женщины чаще проживают в Республике Тыва), а 4,1% женщин, религия которых постов не предписывает, соблюдает религиозные требования к системе питания, причем самая большая доля таких женщин проживает в Республике Тыва.

Доля женщин, относящих себя к какому-либо вероисповеданию, но никогда не читавших религиозных текстов, составила 29,3%. Каждая третья женщина (36,4%) сообщила, что когда-то читала религиозные тексты, но сейчас этого не практикует. Иногда читают религиозные тексты 28,3% женщин, проживающих в приграничных регионах, и только 6,0% делают это регулярно.

Выводы

Исследование показало, что религиозность женщин, проживающих в приграничных регионах России, по субъективным оценкам и по объективным параметрам выражена на среднем уровне (2,75 балла из 5,0 возможных). Во многом это обусловлено тем, что большинство женщин воспитывались в семьях, которые не были религиозными или были слабо религиозными. Значительная доля женщин, проживающих в регионах, охваченных исследованием, имеет у себя дома религиозные

предметы и книги, но не пользуется ими по назначению. Религиозные действия, такие как молитва или медитация, участие в религиозных службах, религиозные паломничества и празднование религиозных праздников, практикуются не часто.

В то же время только каждая четвертая женщина, проживающая в приграничном регионе, не относит себя к какому-либо вероисповеданию. В четырех приграничных регионах (Республики Алтай и Тыва, Новосибирская область и Алтайский край) большинство женщин относят себя к православию, вторым по популярности выступает буддизм, имеются представители «алтайской веры», бурханизма, а также сочетающие буддизм с шаманизмом. В небольшом количестве имеются представительницы ислама, других христианских конфессий (за исключением православия), новых религиозных верований, иудаизма. Около половины верующих женщин являются таковыми с рождения. Имеется небольшая доля женщин, которым приходилось менять свое вероисповедание, и чаще всего это происходило посредством знакомства с другой верой через культуру, разочарования в своей прошлой вере или знакомства с представителями другой веры, убедившими женщину сменить вероисповедание.

Социальные связи внутри религиозных общин в приграничных регионах непрочны: не все женщины считают себя частью религиозной общины, немногие встречаются с членами своей общины вне контекста религиозных служб или участвуют в какой-то совместной деятельности с ними. Соблюдение религиозных предписаний к внешнему виду, посещение храмов, причащение, соблюдение постов и чтение религиозных текстов не являются распространенными практиками для женщин приграничных регионов, даже в случаях, когда все это предписывается исповедуемой ими религией.

Региональная специфика религиозности женского населения приграничных регионов России характеризуется следующим. Наиболее религиозные как по самооценкам, так и по объективным оценкам женщины проживают в Республике Тыва: здесь женщины чаще воспитывались в религиозных семьях, они часто молятся, принимают участие в религиозных службах, совершают или хотели бы совершить религиозное паломничество, стараются отмечать все религиозные праздники, часто посещают храмы. Наиболее распространенное вероисповедание в этом регионе — сочетание буддизма и шаманизма.

Жительницы Республики Алтай расположились на втором месте по уровню выраженности как субъективной, так и объективной религиозности: они молятся не часто, очень редко участвуют в религиозных службах, отмечают только самые значимые религиозные праздники, стараются соблюдать все религиозные предписания к внешнему виду, однако крайне редко посещают храмы (что, вероятно, связано с особенностями исповедуемой религии). Чаще всего женщины здесь исповедуют «алтайскую веру» и бурханизм.

Женщины, проживающие в Алтайском крае, занимают третье место из четырех возможных по уровню религиозности: воспитывались они в слабо религиозных семьях, молятся редко, однако часто участвуют в религиозных службах, избирательно соблюдают религиозные предписания к внешнему виду и редко

соблюдают посты, предписанные их религией. В этом регионе чаще встречаются женщины, исповедующие православие.

Женщины Новосибирской области характеризуются наиболее низким, в сравнении с остальными обследованными регионами, уровнем религиозности как по самооценкам, так и по объективным параметрам, и вероятно, в значительной степени это обусловлено тем, что они воспитывались в нерелигиозных семьях. В связи с этим не практикуют молитву, не участвуют в религиозных службах, не совершали религиозных паломничеств, не празднуют религиозных праздников и не считают себя верующими, однако чаще женщин из других регионов обладают религиозной литературой.

Таким образом, выраженность религиозности женщин по-разному проявляется во всех охваченных исследованием регионах, причем находит своеобразное преломление не только по оси этнических республик — полиэтничных регионов с «русским ядром», традиционно тяготеющим к православию, но представляет собой и более сложное разнообразие. Так, в Республике Тыва — самая большая доля религиозных женщин, очевидно, что для подавляющего большинства жителей республики вера и религиозное мировоззрение являются ключевыми смыслами жизни, однако выраженность этой веры и ее деятельностное, поведенческое воплощение является частью повседневной культуры и быта тувинцев, глубоко «проросшей» в секулярные, светские практики. В Республике Алтай также высока доля женщин, характеризующихся высокой религиозностью, это, в частности, может быть связано с возрождением и усилением этнического самосознания коренных жителей республики, происходящими в последние годы, демонстративности, декларативности религиозной принадлежности, тесно сопряженной с этнической самобытностью. Таким образом, мы зафиксировали, что религиозное мировоззрение, духовность в целом имеют большое значение в жизни женщин российских регионов, что, несомненно, требует более внимательного и глубокого изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Ментальные репрезентации религиозности в зеркале психосемантических измерений: региональные аспекты // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 1. С. 32–55. doi: 10.14258/ssi(2023)1-02.

Abdel-Khalek A. M. Subjective well-being and religiosity: A cross-sectional study with adolescents, young and middle-age adults // *Mental Health, Religion and Culture*. 2012. Vol. 15, № 1. P. 39–52.

Abdel-Khalek A., Lester D. Mental health, subjective well-being, and religiosity: Significant associations in Kuwait and USA // *Journal of Muslim Mental Health*. 2013. Vol. 7, № 2. P. 63–76.

Acevedo G., Shah S. Sectarian affiliation and gender traditionalism: A study of Sunni and Shi'a Muslims in four predominantly Muslim countries // *Sociology of Islam*. 2015. Vol. 3. P. 1–29.

Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. Vol. 5, № 4. P. 432–443.

Alvi S.M., Tahir M., Bano S. Religious orientation, spirituality, and life satisfaction: A gendered perspective // *Global Social Sciences Review*. 2021. Vol. VI, № I. P. 120–129.

Burnett D.W. Religion, personality, and clinical assessment // *Journal of Religion and Health*. 1979. Vol. 18, № 4. P. 308–312.

Vaus D., McAllister I. Gender Differences in Religion: A Test of the Structural Location Theory // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52, № 4. P. 472–481.

Habib D.G., Donald C., Hutchinson G. Religion and life satisfaction: A correlational study of undergraduate students in Trinidad // *Journal of Religion and Health*. 2018. Vol. 57, № 4. P. 1567–1580.

Heft J.L., Stets J.E. (Eds.). *Empty Churches: Non-affiliation in America* (1st ed.). Oxford University Press, 2021. 352p.

Heidemarie W. Religious cultures and gender cultures: tracing gender differences across religious cultures // *Journal of Contemporary Religion*. 2019. Vol. 34, 2. P. 241–251.

Huber S., Huber O.W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) // *Religions*. 2012. Vol. 3, № 3. P. 710–724.

Huber, S., Ackert, M., Scheiblich, H. (). Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen — Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale // *Cultura & psyché* 2020. №1(1-2), S. 171–185. 10.1007/s43638-020-00007-3.

Kelland M. Personality theory. 2017. Retrieved from: <https://oercommons.org/authoring/22859-personality-theory/7/view>

Koenig H.G. (2008). Religion and mental health: What should psychiatrists do? // *Psychiatric Bulletin*. 2008. Vol. 32, № 6. P. 201–203.

Li A. Y. C., Liu J. K. K. Effects of intrinsic and extrinsic religiosity on well-being through meaning in life and its gender difference among adolescents in Hong Kong: A mediation study // *Curr Psychol*. 2021. Vol. 42. P. 7171–7181.

Munawar K., Tariq O. Exploring relationship between spiritual intelligence, religiosity and life satisfaction among elderly Pakistani Muslims // *Journal of Religion and Health*. 2018. Vol. 57, № 3. P. 781–795.

Ngamaba K.H., Soni D. Are happiness and life satisfaction different across religious groups? Exploring determinants of happiness and life satisfaction // *Journal of Religion and Health*. 2018. Vol. 57, № 6. P. 2118–2139.

Perveen A., Mehmood B., Yasin M. G. Materialism and life satisfaction in Muslim youth: Role of gratitude and religiosity // *Pakistan Journal of Psychological Research*. 2017. Vol. 32, № 1. P. 763–771.

Reitz A.K., Asendorpf J.B., Motti-Stefanidi F. When do immigrant adolescents feel personally discriminated against? Longitudinal effects of peer preference // *International Journal of Behavioral Development*. 2015. Vol. 39, № 3. P. 197–209.

Roberto A., Sellon A., Cherry S. T., Hunter-Jones J., Winslow H. Impact of spirituality on resilience and coping during the COVID-19 crisis: A mixed-method approach

investigating the impact on women // *Health Care for Women International*. 2020. Vol. 41, № 11–12. P. 1313–1334.

Saryglar S. A., Shakhova E. V., Borisova O. V. Social Isolation and Demographic Problems of Border Territories: Theoretical Analysis and Application in Migration Studies // *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2023. Vol. 234. Springer, Cham.

Stark R., Glock C.Y. *American piety: The nature of religious commitment* (Vol. 1). University of California Press, 1968. 230 p.

Sultan S., Kanwal F., Hussain I. Moderating effects of personality traits in relationship between religious practices and mental health of university students // *Journal of Religion and Health*. 2020. Vol. 59, № 5. P. 2458–2468.

Thiessen J., Wilkins-Laflamme S. Becoming a religious none: Irreligious socialization and disaffiliation // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2017. Vol. 56, № 1. P. 64–82.

Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M. S. *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Basil Blackwell, 1987.

Unterrainer H.F., Lewis A.J., Fink A. Religious/spiritual well-being, personality and mental health: A review of results and conceptual issues // *Journal of Religion and Health*. 2014. Vol. 53, № 2. P. 382–392.

Van Tongeren D.R., DeWall C.N. Disbelief, disengagement, discontinuance, and disaffiliation: An integrative framework for the study of religious deidentification // *Psychology of Religion and Spirituality*. Advance online publication. 2021. <https://doi.org/10.1037/rel0000434>

Vang Z.M., Hou F., Elder K. Perceived religious discrimination, religiosity, and life satisfaction // *Journal of Happiness Studies*. 2019. Vol. 20, № 6. P. 1913–1932.

Villani D., Sorgente A., Iannello P., Antonietti A. The role of spirituality and religiosity in subjective well-being of individuals with different religious status // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 1525.

Wixwat M., Saucier G. (2021). Being spiritual but not religious // *Current Opinion in Psychology*. 2021. Vol. 40. P. 121–125.

Yeniaras V., Akarsu T.N. Religiosity and life satisfaction: A multi-dimensional approach // *Journal of Happiness Studies*. 2017. Vol. 18, № 6. P. 1815–1840.

Zahoor N., Khattak A.Z., Amjad M., Shaukat S., Khanum U., Raziq U. Relationship between religiosity and Life satisfaction in undergraduate students at Kohat University of Science & Technology KPK Pakistan // *Journal of Professional and Applied Psychology*. 2021. Vol. 2, № 1. P. 36–42.

Zuckerman, P. *Atheism: Contemporary numbers and patterns*. In M. Martin (Ed.), *The Cambridge companion to atheism*. Cambridge University Press, 2007. Pp.47–65.

REFERENCES

- Omelchenko, D. A., Maximova, S. G., Noyanzina, O. E. (2023). Mental representations of religiousness in the mirror of psychosemantic measurement: regional facets. *Society and Security Insights*, 6(1), 32–55. doi: 10.14258/ssi(2023)1-02 (In Russ.).
- Abdel-Khalek, A. M. (2012). Subjective well-being and religiosity: A cross-sectional study with adolescents, young and middle-age adults. *Mental Health, Religion and Culture*, 15(1), 39–52.
- Abdel-Khalek, A., Lester, D. (2013). Mental health, subjective well-being, and religiosity: Significant associations in Kuwait and USA. *Journal of Muslim Mental Health*, 7(2), 63–76.
- Acevedo, G., Shah, S. (2015). Sectarian affiliation and gender traditionalism: A study of Sunni and Shi'a Muslims in four predominantly Muslim countries. *Sociology of Islam*, 3, 1–29.
- Allport, G. W., Ross, J. M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5(4), 432–443.
- Alvi, S. M., Tahir, M., Bano, S. (2021). Religious orientation, spirituality, and life satisfaction: A gendered perspective. *Global Social Sciences Review*, VI(1), 120–129.
- Burnett, D. W. (1979). Religion, personality, and clinical assessment. *Journal of Religion and Health*, 18(4), 308–312.
- Vaus, D., McAllister, I. (1987). Gender Differences in Religion: A Test of the Structural Location Theory. *American Sociological Review*, 52(4), 472–481.
- Habib, D. G., Donald, C., Hutchinson, G. (2018). Religion and life satisfaction: A correlational study of undergraduate students in Trinidad. *Journal of Religion and Health*, 57(4), 1567–1580.
- Heft, J. L., Stets, J. E. (Eds.). (2021). *Empty Churches: Non-affiliation in America* (1st ed.). Oxford University Press.
- Heidmarie, W. (2019). Religious cultures and gender cultures: tracing gender differences across religious cultures. *Journal of Contemporary Religion*, 34(2), 241–251.
- Huber, S., Huber, O. W. (2012). The Centrality of Religiosity Scale (CRS). *Religions*, 3(3), 710–724.
- Huber, S., Ackert, M., Scheiblich, H. (2020). Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen — Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale. *Cultura & Psyché*, 1(1–2), 171–185. 10.1007/s43638-020-00007-3.
- Kelland, M. (2017). *Personality theory*. Retrieved from: <https://oercommons.org/authoring/22859-personality-theory/7/view>
- Koenig, H. G. (2008). Religion and mental health: What should psychiatrists do? *Psychiatric Bulletin*, 32(6), 201–203.
- Li, A. Y. C., Liu, J. K. K. (2021). Effects of intrinsic and extrinsic religiosity on well-being through meaning in life and its gender difference among adolescents in Hong Kong: A mediation study. *Curr Psychol*, 42, 7171–7181.

- Munawar, K., Tariq, O. (2018). Exploring relationship between spiritual intelligence, religiosity and life satisfaction among elderly Pakistani Muslims. *Journal of Religion and Health*, 57(3), 781–795.
- Ngamaba, K. H., Soni, D. (2018). Are happiness and life satisfaction different across religious groups? Exploring determinants of happiness and life satisfaction. *Journal of Religion and Health*, 57(6), 2118–2139.
- Perveen, A., Mehmood, B., Yasin, M. G. (2017). Materialism and life satisfaction in Muslim youth: Role of gratitude and religiosity. *Pakistan Journal of Psychological Research*, 32(1).
- Reitz, A. K., Asendorpf, J. B., Motti-Stefanidi, F. (2015). When do immigrant adolescents feel personally discriminated against? Longitudinal effects of peer preference. *International Journal of Behavioral Development*, 39(3), 197–209.
- Roberto, A., Sellon, A., Cherry, S. T., Hunter-Jones, J., Winslow, H. (2020). Impact of spirituality on resilience and coping during the COVID-19 crisis: A mixed-method approach investigating the impact on women. *Health Care for Women International*, 41(11–12), 1313–1334.
- Saryglar, S. A., Shakhova, E. V., Borisova, O. V. (2023). Social Isolation and Demographic Problems of Border Territories: Theoretical Analysis and Application in Migration Studies. In: Maximova, S. G., Raikin, R. I., Chibilev, A. A., Silantyeva, M. M. (eds) *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research*. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol 234. Springer, Cham.
- Stark, R., Glock, C. Y. (1968). *American piety: The nature of religious commitment* (Vol. 1). University of California Press.
- Sultan, S., Kanwal, F., Hussain, I. (2020). Moderating effects of personality traits in relationship between religious practices and mental health of university students. *Journal of Religion and Health*, 59(5), 2458–2468.
- Thiessen, J., Wilkins-Laflamme, S. (2017). Becoming a religious none: Irreligious socialization and disaffiliation. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 56(1), 64–82.
- Turner, J. C., Hogg, M. A., Oakes, P. J., Reicher, S. D., Wetherell, M. S. (1987). *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Basil Blackwell.
- Unterrainer, H. F., Lewis, A. J., Fink, A. (2014). Religious/spiritual well-being, personality and mental health: A review of results and conceptual issues. *Journal of Religion and Health*, 53(2), 382–392.
- Van Tongeren, D. R., DeWall, C. N. (2021). Disbelief, disengagement, discontinuance, and disaffiliation: An integrative framework for the study of religious deidentification. *Psychology of Religion and Spirituality*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/rel0000434>
- Vang, Z. M., Hou, F., Elder, K. (2019). Perceived religious discrimination, religiosity, and life satisfaction. *Journal of Happiness Studies*, 20(6), 1913–1932.
- Villani, D., Sorgente, A., Iannello, P., Antonietti, A. (2019). The role of spirituality and religiosity in subjective well-being of individuals with different religious status. *Frontiers in Psychology*, 10, 1525.

Wixwat, M., Saucier, G. (2021). Being spiritual but not religious. *Current Opinion in Psychology*, 40, 121–125.

Yeniaras, V., Akarsu, T.N. (2017). Religiosity and life satisfaction: A multi-dimensional approach. *Journal of Happiness Studies*, 18(6), 1815–1840.

Zahoor, N., Khattak, A. Z., Amjad, M., Shaukat, S., Khanum, U., Raziq, U. (2021). Relationship between religiosity and Life satisfaction in undergraduate students at Kohat University of Science & Technology KPK Pakistan. *Journal of Professional and Applied Psychology*, 2(1), 36–42.

Zuckerman, P. (2007). Atheism: Contemporary numbers and patterns. In: M. Martin (Ed.), *The Cambridge companion to atheism* (pp. 47–65). Cambridge University Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci (Sociology), Professor, Leading researcher, Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russia.

Ольга Валерьевна Суртаева — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, научный сотрудник, Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия.

Olga V. Surtaeva — Cand. Sci. (Sociology), Associated Professor at the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia, researcher Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russia.

Дарья Алексеевна Омельченко — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, научный сотрудник, Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия.

Daria A. Omelchenko — Cand. Sci. (Sociology), Associated Professor at the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia, researcher Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russia.

Кристина Андреевна Великжанина — старший преподаватель кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Kristina A. Velikzhanina — Senior Lecturer at the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 31.05.2024;
одобрена после рецензирования 03.06.2024;
принята к публикации 05.06.2024.
The article was submitted 31.05.2024;
approved after reviewing 03.06.2024;
accepted for publication 05.06.2024.